



Интернациональный  
Союз Писателей

*Литературные страницы*

5

Группа ИСП  
ВКонтакте

Валентина Спирина

**Литературные страницы – 5.**  
**Группа ИСП ВКонтакте**

«Издательские решения»

## **Спирина В.**

Литературные страницы – 5. Группа ИСП ВКонтакте /  
В. Спирина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966068-8

«Литературные страницы» — серия сборников свободной тематики. Акулы пера и первые шаги в мире творчества. Поэты и прозаики. Знаете, на что это похоже? Капустник, квартирник, где собрались авторы и ведут неспешный разговор обо всём на свете: погода, политика, мечты, любовь. Спокойная уютная обстановка располагает к тому, чтобы, завернувшись в плед, обхватив ладонями кружку с душистым чаем, сесть вечером и читать, читать, читать, открывая для себя новые имена и произведения.

ISBN 978-5-44-966068-8

© Спирина В.  
© Издательские решения

## Содержание

Интернациональный Союз Писателей	6
Ирина Кульджанова	7
Семь дней, шесть ночей	8
Екатерина Бакличер	20
Нельзя сдаваться	20
Недоброе утро	22
Спаситель	23
Анастасия Николаева	24
C'est la vie (Такова наша жизнь)	24
Не упустите судьбу...	25
Вино, конфеты и букет...	26
Спасибо за опыт	27
Вверх по радуге	28
Владимир Филатов	29
Эх, разгуляй	29
Бродяга	30
Дождись (письмо)	31
Н. В. Л.	32
Домой	33
У моря	34
Ирэн Аниклис	35
Мой любимый Перри Мейсон	35
Анастасия Миронова	40
Ученики чародея	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

# Литературные страницы – 5

## Группа ИСП ВКонтакте

*Составитель* Валентина Спирина

*Дизайнер обложки* Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6068-8 (т. 5)

ISBN 978-5-4496-3297-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Интернациональный Союз Писателей



*Международный (Интернациональный) Союз писателей, поэтов, авторов-драматургов и журналистов является крупнейшей в мире организацией профессиональных писателей.*

*Союз был основан в 1954 году. До недавнего времени штаб-квартира организации находилась в Париже, в данный момент основное подразделение расположено в Москве.*

*В конце 2018 года правление ИСП избрало нового президента организации. Им стал американский писатель-фантаст, лауреат литературных премий Хьюго, «Небьюла», Всемирной премии фэнтези и других – Майкл Суэнвик.*

<https://t.me/inwriter>

<https://vk.com/inwriter>

<http://inwriter.ru>

<https://web.facebook.com/groups/soyuz.pisateley/>

***Важно! Произведения в сборнике не рецензируются, опубликованы в авторской редакции и с согласия авторов.***

## Ирина Кульджанова



## **Семь дней, шесть ночей**

### **Рассказ – победитель одиннадцатого эпизода русско-английского конкурса им. Набокова**

Нашедший лекарство от безответной любви в миг прослыл бы на весь мир и стал богаче Гарун аль Рашида. Вряд ли на всем белом свете найдется хоть один человек, черпающий радость в безответном чувстве.

Другое дело страсть. Чувство, обрушивающееся быстрее и мощнее цунами, сметает на своем пути все – разум, правила и условности, проглатывает расстояния. Утаскивает ли она в невесомость, или в самое пекло – первым от ее удара испаряется чувство самосохранения, и никакие муки уже не смогут стереть из глаз барахтающегося в ее объятиях безумного выражения. Угодивший в ее котелок будет сидеть с блаженной глупой улыбкой, пока не сварится заживо. Ему не нужно лекарство – он в другой реальности, и не способен осознать, что ему конец.

Маленький магазин эфирных масел в отеле первой береговой сезон за сезоном был эпицентром всех событий. Вялая анимация и выжигающее все солнце не оставляли выбора – в ароматную комнатку со всего отеля собирались туристы. Низкие красные диваны, ковер на полу, кондиционер, старательно разбавляющий безумные коктейли из десятков ароматов – и никто не ушел без заветного пузырька с маслом. Этим царством правил Асаф.

Продавец масел – это было бы чересчур мало и сухо. Практически ничего. В это «ничего» никак бы не поместилась личность, царящая в закутке в восемь квадратных метров.

Зеленоглазый египтянин смог бы найти на своих многочисленных полках любой аромат. Только для нее – сине – или кареглазой. Худой или пышечки. Или лекарство от любой хвори – масло черного тмина, о, первый, и второй, и третий отжим! Это при снижении иммунитета, и бронхолегочных, и даже при онко. Или при подростковой угревой сыпи – смешать аргановое масло и бергамот, в одной ему известной пропорции. Или для купания в море – алоэ, масло дикой розы, и немного сандала. Тогда и после морской воды кожа будет бархатистой и ароматной.

Что бы ни взбрело в голову – оно уже существовало тут, на стеклянных полочках, запечатанное, как сотни джиннов, в алюминиевые и пластиковые литровые бутылки.

– Посмотри на меня! – вкрадчиво звучал приказ, и любая безропотно подчинялась. Асаф, встретив взгляд, на долю секунды замирал, потом поворачивался к полкам, выбирал одну за одной бутылки. Составлял добычу на низенький, заваленный бумагами и пустыми пузырьками, столик. Еще раз пристально приглядывался к покупательнице. Делал окончательный выбор и вскрывал один из приготовленных баллонов.

– Это – твое! – он наносил пару капель на протянутое к нему запястье, растирал масло, и, что б не тратить время, быстро пояснял:

– Когда будешь в другом магазине, смотри, в чем масло. Надо только в алюминиевой, или пластик. Это так выпускают на фабрике. Фабрика в Каире, в Шарме нет. Стеклобанка – парафин. Когда он на коже – кожа жирная. Эфирное масло настоящее не оставляет следа. От подделки запах уйдет через час-два. А этот запах останется после душа, даже после моря. Сама проверь.

Он мимоходом капал на запястья, ладони, в локтевые ямочки всё, что отобрал с полок. Растирал, принюхивался, качал головой, находил что-то еще. Владелица запястий, ладоней, локтевых ямочек вдыхала запахи, улыбалась, цвела, и делала свой выбор.

Нарушая все многовековые традиции восточных базаров, Асаф не торговался и был упрямым, как мул. Соглашался взять меньше денег – но при этом налить меньше масла. Он

не злился, улыбался, не прятал глаза. Просто мягко произносил:” Это очень хорошее масло. Оно столько стоит. Оно правда столько стоит!» И – о, чудо! – на него не злились, после минутного, или дневного раздумья, покупали.

Неторопливый процесс выбора мог закружить столько людей, сколько вошло бы в магазин. Болтая о погоде, политике, дороге, традициях, Асаф умудрялся никого не оставить без внимания. В холодном воздухе причудливо перемешивались запахи духов, чистых эфирных и лечебных масел, жира кобры, масок и кремов, опробованных всеми желающими. Здесь было уютно, как в маленьком кафе. Здесь знакомились те, кто прошел мимо друг друга в ресторане или на понтоне. Встречались и продолжали разговор недавние знакомцы.

Наплывы туристов чередовались для хозяина с временем намаза, традиционного кофе, и законной сигаретой после.

Каждый вечер, закрывая дверь маленького магазина, Асаф благодарил Аллаха за еще один правильный и благополучный день.

Эти туристки были такие же, как и сотни до них. Три подруги, красивые, ухоженные. Не юные. Асаф привычно старался дышать не глубоко – отчего женщины поопытней выбирают себе такой тяжеловесный парфюм, от которого потом вовсе никаких запахов не различишь? Но, с другой стороны, это самые что ни на есть его люди – такие всегда покупают много всего и не жадничают. Это не скупые европейцы или бедные соотечественники. И он начал привычный и никогда не надоедающий ему ритуал.

– Посмотри на меня!

Они кокетничали. Капризничали. Вздыхали. Спрашивали о глупостях. Торговались. Просили чаю. И воды. И пробовали маску Клеопатры. Восхищались. Купили. Спустя час ушли. Но только две из них.

Асаф, привыкший владеть всей ситуацией в своем магазине, с изумлением понял, что одна из трех подруг, свернувшись, как кошка, в углу дивана, спит. Весь шум и столпотворение обошлось без нее, а он и не заметил. В дверях замаячил сосед – Мохаммед, продающий серебряные украшения и сумки, звал к себе на намаз. Асаф взял свернутый в рулон сажжада, и выбросил из головы мысли о насущном.

Обычно в это время в магазин никто не приходил – начинал работать ресторан, и все устремлялись на обед. Асаф спокойно совершал намаз, разжигал любимую медную спиртовку и варил кофе. Но сейчас маленький зал не был пуст.

В углу дивана уже не спала, а сидела, поджав под себя ноги, та самая туристка. В отличие от своих полураздетых подруг она вся с ног до головы была закутана в льняную хламиду, мягкую, непонятного цвета и фасона. Несмотря на это, Асаф почувствовал себя неуютно, словно она сидела перед ним совсем раздетой. Он пожегся. Ему никогда не нравились приезжие женщины, живущие по другим, не верным законам, но он спокойно относился к их присутствию – в конце концов, его работа предполагает общение с разными людьми.

Его гостя, уместив на коленях толстый блокнот, рисовала.

– Может, кофе? Или есть чай, травы, хорошо после обеда... – Асаф впервые чувствовал себя в собственном магазинчике, словно гость. Женщина нахмурилась, не отрывая взгляда от рисунка, пробормотала:

– Кофе, один, без сахара. Я не обедала. И тишину.

Асаф зажег спиртовку, насыпал в турку из пакета молотый кофе, залил водой из бутылки. До момента, когда кружевная пенка поднимется вровень с медным краем, есть немного времени. И его можно потратить на то, чтобы сделать вид, как сильно занят.

– Вот черт! С кардамоном, да? – легкость, с которой они чертыхаются, Асафа всегда коробила. Он поморщился, и, подавив растущее раздражение, мягко ответил:

– Нет. Только кофе.

И вдохнул чудесный бархатистый запах, к которому действительно пряными нотами при- мешивался кардамон. В замешательстве нашел на столе упаковку – нет, никаких добавок. Глянул растерянно на гостью. Та уже закрыла блокнот, простой карандаш заложила за ухо, и с ин- тересом разглядывала драпировку на потолке.

– Наверное, он у вас хранился где-то рядом с приправой и запах весь впитал. Я плотно закрытую банку с кофе в холодильнике храню. Тогда есть шанс, что будешь пить то, что хочешь, а не весь букет запахов из кухни... Но, честно сказать, я сейчас любому кофе буду рада...

Она действительно была рада. Держала обеими руками стеклянный стакан с кофе – ужасно горячий, пила глоточками и улыбалась. С таким удовольствием разглядывала магазин, что Асаф на всякий случай тоже начал его рассматривать – может, что-то упустил? Нет, все то же. Все стены до невысокого потолка закрыты резными деревянными стеллажами с зерка- лом и стеклянными полочками, сплошь уставленными баллонами с маслами. В одной из вит- рин – кремы и маски фабричной расфасовки. В углу на сейфе рулоны «настоящих папирусов» с идеально лохматыми краями, во втором – коробка с пустыми флаконами и пробки, на ней – сложенные стопкой коробочки для духов, и сажжада, коврик для намаза. Весь третий угол занимает короб кондиционера, на котором мотыляет лопастями вентилятор. Какие-то про- вода и проводки перепутанные, четки, проспекты, журналы, распечатанные хадисы, сандало- вый портсигар, маленький саркофаг черного дерева с миниатюрной куколкой-мумией внутри, горсть леденцов в плошке, моток ниток с иглой, начатая пачка сигарет, зашарканный музы- кальный центр с флэшкой, забытое кем-то из туристов пустое портмоне... Подлокотники дива- нов затерлись, красный, весь в цветах, палас, затоптался. Зато никакой пыли, Ахмед из утрен- ней смены за небольшие деньги каждый день все пылесосит и натирает зеркала и полки.

– А вы не пьете кофе? – ее вопрос застал врасплох. Он давно привык, что люди все- гда хотят, чтобы говорили только о них, интересовались только их проблемами – он, Асаф, виртуозно жонглировал всегда темами, и разговор, ни на минуту не прерываясь, всегда шел только о госте. С этой туристкой все как-то не ладилось. Рассказывать о себе чужим людям – да о таком и в страшном сне не приснится.

Асаф решил, что она просто выбила его из режима – в это время, после намаза, он всегда в одиночестве пил кофе, после которого курил. При ней он курить не будет, стало быть, и кофе не выпьет. Значит, просто нужно начать работать – он подберет ей что ни будь сладкое, из того, что любят дамы неопределенного возраста. Интересно, сколько ей? Наверное, к сорока, хотя этих приезжих сложно понять. Да, нет разницы, женщины всех возрастов и национальностей похожи. Хотят слышать, что они самые красивые, чувствовать себя единственными и ощущать, что их ведет сильный мужчина. Сильнее, чем они сами. И Асаф давно вывел для себя лучшую формулу хорошей выручки – над женщиной властвовать, мужчине достойно уступать. И даже если потенциальная покупательница пока не ведет себя, как покупательница – нужно просто ее привести к общему знаменателю.

– Кофе – потом. Хочешь масло, духи, маска Клеопатра? – он смотрел в оба, ожидая мелких, почти незаметных подсказок, что подает любой совершенно неосознанно. Женщина, переведя взгляд с полок на столик перед собой, спросила:

– А есть бергамот? И сандал? И лотос! Есть?

Асаф, чувствуя, что у него от напряжения гудит голова, потянулся к полкам. Бергамот? Лотос? Сандал? Зачем? Эти масла никогда не смешиваются, он их даже на разные стеллажи ставит. Это как небо и камни, человек и червяк. Очень далеко друг от друга. Не понятно, что она действительно хочет.

Неопределенность он ненавидел. Обожал порядок на полках, любил смешивать масла для получения тех или иных запахов, знал, что его смеси действительно помогают тем, кто их купил. Верил в их чудодейственную силу, и так же ни на йоту не сомневался, что запахи его масел и духов могут лечить, убирать бессонницу, облегчать боли, улучшать настроение, вызы-

вать страстное влечение. Он знал о маслах все, и выбор бергамота, сандала и лотоса рождал в нем болезненный протест.

– Нет! Лучше дам тебе бергамот и апельсин, смотри! – он быстро, не давая опомниться, капнул на ее ладонь из двух бутылок, растер. Правильное, хорошее сочетание. В голове сразу прояснилось, дышать стало легко. С удовольствием смотрел, как она уткнулась всем лицом в ладонь. Вдохнула глубоко, пробормотала:

«Ммммм! Как вкусно!» Его раздражение сразу растаяло, отпустило, привычно и тепло разлилось по всему телу расслабление.

– А сандал – сандал лучше ни с чем не смешивать. Он вязкий, смотри, где кожа плохая, слабая, растяжки, или целлюлит, или просто усталая кожа – вот так втираешь, долго, совсем чуть – чуть, капельку, и он лечит! У него запах свой, не очень сильный, но... – он запнулся, подыскивая подходящее в неродном русском слово.

– Плотный. У него запах очень плотный. Он все остальные просто съест! – она задумчиво продолжила его фразу. – Как он мне нравится... а лотос?

– Спасибо. Да, он плотный, правильно. А лотос всегда будет над ним, как...

– Как туман над землей. – Она открыла баллон с маслом, и зажмурившись, вдыхала невесомый, нежный запах масла лотоса.

– Спасибо, да! – ему вдруг стало весело. – Попробуй манго! И лаванду! И...

На маленький столик перекочевывали одна за одной бутылки и баллоны. Запахи смешивались в воздухе, слова, не найденные Асафом, всегда произносились Лией. Какое странное у нее имя, мелькнуло и пропало где-то у него в сознании. Она вообще просто странная. Отказывается от духов, и нюхает только чистые эфирные масла. Но ведь женщины всегда хотят духи, от которых у мужчин идет кругом голова. Он стоял и с усмешкой смотрел, как Лия уткнувшись в свое запястье, шумно вдохнула и резко выдохнула, потом чуть сдвинула руку, повторила. Потом подняла на Асафа совершенно осоловевший взгляд, плюхнулась на диван, и пробормотала: "Как же все вкусно пахнет... Но я его, так и не почувяла. А он есть, Асаф, у тебя в магазине, этот запах, и я хочу его найти! Я чувствовала его сквозь сон..."»

Он уже не помнил, что открывал для нее, а что нет. Озадаченно оглядел полки и ряды баллонов. Все заново?

– Он пахнет... кожей. И чем-то горячим, и даже жарким...

Этого было достаточно. Кожа и жар. Это мускус. Но как? Эти бутылки он открывал вчера, и то, потому что сам любит – мускус, белый и красный. Женщинам он в чистом виде не нравится, да и редко, кто из мужчин-туристов могут его оценить. Мускус... Когда его вдыхаешь, нужно, что бы запах шел поверху, не оседая в горле и груди. Иначе его первые резкие ноты обожгут все внутри, украдут полноценный вдох. А вся его нежная теплая терпкость потеряется в этом неприятном ощущении. Вдвое дороже остальных масел сейчас, чистый мускус когда-то был в прямом смысле на вес золота.

Асаф с сомнением глянул на Лию. Она сидела, уткнувшись в стиб локтя. Глаза зажмурены, короткие волосы торчат во все стороны. Пробормотала что-то невнятное. Ему вдруг стало интересно, что ей так понравилось, кажется, локтевой ямке досталась смесь диких роз, или лимон. Или магнолия и амбра? Не успев себя убедить, что это очень неправильно, Асаф сел рядом, и, спросив, разрешения, повторил Лиин маневр. Точно, дикие розы и магнолия, и что-то еще, никак не понять. Он чуть сдвинул ее руку, снова вдохнул. Так, тут сандал, дальше ночная фиалка, амбра, кора горького дерева. Миндаль. Грейпфрут. Абсолютно чистые, не измененные, как обычно, запахом кожи. И еще что-то, неуловимо знакомое, тонкое, что-то забытое давным-давно. Отдельно, не смешивается ни с одним нанесенным запахом, чувствуется через все ароматы.

– Асаааф! – Лия укоризненно произнесла почти в ухо. – Остановись, ты как ищайка или пылесос! Перестань меня нюхать, оставь мне чуть-чуть на потом!

Это невозможно! Он знает и различает все, что может пахнуть, и не распознать запах для него просто... просто... позор! Он уже осознал свою несдержанность, и ему стало стыдно вдвойне. Она улыбалась. Шурила глаза, морщила нос, от чего все до этого малозаметные коричневые солнечные пятнышки на носу и щеках проступали и темнели. Асафу показалось, что она потешается над ним.

Нарочито медленно встал, отошел к двери, обернулся. Да, отличное расстояние, чтобы перестать отвлекаться, свой позор он переживет потом, сейчас нужно помочь ей выбрать. А мускус... Сейчас в воздухе слишком много всего. Мускус должен быть единственным. Лучше ей зайти завтра.

Уже произнося последнюю фразу, ощутил беспокойство. Глядя, как она собирает со стола блокнот и карандаши, пожалел, что не верно выразился.

– Ты, если хочешь, сейчас можешь любое взять. Хочешь, возьми, на пробу. Какое?

– Много так всего, не знаю пока, что нравится... Потом приду, пока буду дышать и думать, ладно? – попробовала дотянуть одну из своих коротеньких прядок до рта. Не вышло. Ее мимолетное разочарование растаяло. Заторопилась. Выжидающе глянула на него. Ему стало интересно – чего она ждет.

– Эммм... Пропустишь меня? – ну, да, он же встал на выходе. Пусть уже уходит, устал ощущать себя болваном.

\*\*\*

– В десять уйду! – этот бессовестный Ахмед, прозванный русскими туристами «Тимати», уже даже не спрашивает. Просто предупреждает. Сотню раз Асаф собирался поменять помощника – и каждый раз, принимая выручку, оставлял этого похожего на веселую обезьянку мальчишку. У «Тимати» был дар – где бы он не находился, вокруг начинала клубиться жизнь. Он умудрился превратить в тусовку даже сутки, проведенные в полицейском участке – устроил баттл с закрытыми в соседней клетке туристами-растаманами. Шепотом читал рэп на своем плохом английском в ответ на их неторопливый солнечный регги. В свои семнадцать «Тимати» успел уже стать местной достопримечательностью, что ничуть не мешало ему работать в чайной лавке Асафа и продавать больше его самого каркаде и кальянов. А в торговых делах главное что? Главное – движение. Тогда дело живое. И «Тимати», не смотря на свою безалаберность, все еще работал. Загульная и разудалая жизнь помощника поначалу раздражала Асафа, но придя к мысли, что осуждение не меньший грех, чем распутство, он успокоился. Хороший хозяин всегда сможет улучшить свое положение, используя самые сильные стороны работника и подстраховывая в слабых. Домой торопится смысла нет, и Асаф не в первый раз просто поработает в обоих залах. Услышав гомон в холле отеля, выглянул из магазина. На небольшой площадке у бара собралась вполне себе пляжная компания – несколько мужчин и женщин в футболках и шортах, шлепках. В центре ярким попугаем мельтешил «Тимати» – его желто-красно-зеленая вязаная кепка, выигранная в споре у туристов, была как маяк для всех, кто собирался в отрыв этим вечером. Что ж, вполне возможно, что завтра можно рассчитывать на хорошую выручку, «Тимати» продаст своим новым друзьям пару кальянов и набьет их сумки сувенирами из его, Асафа, лавки.

Как назло, день был пустым. Куда подевались все туристы, было не понятно. С такой торговлей и на оплату аренды не наберешь. Что ж, у Асафа для таких дней давно был припасен «выход к солнцу» – как раз после обеда оно нещадно изжаривает светлокотких туристов, неосторожно ныряющих в купальниках и плавках. Через пятнадцать-двадцать минут такого купания полный понтон и пляж народа с алеющими плечами и пылающими частями тела. И тут он, Асаф. Поможет бесплатно – из большой прозрачной банки намажет чудодейственной смесью на основе алоэ, пригласит купить ее после в магазине. А там, придя за мазью, и еще что ни будь выберут – себе и на гостинцы домой.

Спустя полчаса, несколько сгоревших мужских спин и неисчислимое количество детских носов, Асаф выбрался с пляжа на понтон и тут же столкнулся со своими утренними гостями. Две подруги в бикини явно нуждались в его помощи, а Лия, целиком упакованная в термокостюм для дайвинга, вовсе не плавила на солнце. Прищурившись, кивнула приветственно, и ушла. Асаф с досадой обнаружил, что лекарство закончилось, и придется возвращаться в магазин. Настроение никак не хотело улучшаться.

\*\*\*

Не стало оно лучше и на следующее утро.

Шани снова не вышла его проводить на работу, рано утром, пока Асаф спал, приготовила завтрак, и заперлась в своей комнате. Наверное, снова не хочет никого видеть. Что ж, не впервые, пройдет. За те восемь лет, что они женаты, такое бывало уже много раз. А с тех пор, как узнали, что детей не будет – почти через день. Конечно, ей трудно. Почти перестала улыбаться, равнодушна к подаркам, с подругами почти не видится – у всех малыши, что ей эти встречи, только переживать и расстраиваться. Есть у него, Асафа, давно уже заветная мечта – накопить денег, и в межсезонье отправиться в хадж, в Мекку. Там уж одно из двух – или пошлет Всевышний им ребенка, или уже Шани успокоится и жизнь наладится.

Пока же, позже всех открыв свой магазин, начал рабочий день. Счастливое свойство характера – вытряхивать из головы все, что нельзя решить здесь и сейчас, спасало Асафа всегда. Переступив порог магазина, он оставил все тяжкие мысли за дверью, а первые же покупатели, для которых были открыты нежные и прохладные мятные смеси для бани, задержались на пролетевший незаметно час. Чай, анекдоты и истории, половину которых Асаф не понял, расслабленные, умиротворенные лица молодой семейной пары из Тюмени – людям, украсивших и закруживших так медленно начинавшееся утро, хотелось, что ни будь подарить. Маленький флакончик духов с пряным ароматом, где есть немного розы и (только намек) эвкалипта. Для хрупкой быстроглазой брюнетки Ани. В самый раз для уже привыкших друг другу, но все еще молодых и энергичных супругов...

Хотел было угостить их чаем, но засобирались. «Море зовет».

Да... Они приезжают на несколько дней, конечно, их зовет море. Он и сам, когда приехал сюда из Каира десять лет назад, не мог насытиться. Всегда при малейшей возможности старался нырнуть в эту прозрачную, яркую, кишашую жизнью воду. Остудить привычно разгоряченную кожу, смыть пыль и усталость. Постепенно все трудности закончились, теперь работа не была такой изматывающе тяжелой, как тогда, не нужно уже думать, что есть и как жить завтра. Трудности закончились, и все уже налажено – только мир вокруг немного потускнел, потерял яркость и краски. Перестал быть изменчивым, будоражить кровь – просто катит свои дни, как море одинаковые волны. Один за одним. Одну за одной. Последнее время он вообще перестал заходить в воду – ему начало казаться, что все эти цветные рыбки и кораллы всего лишь странная бутафория, подделка. Вода уже давно не смывала усталости. Плавать было не зачем.

– Кофе угостишь? И можно тебя попросить кондиционер выключить? Замерзла жутко! – Лия просочилась мимо огромного молчаливого туриста, уже пять минут на пробу намазанного жиром кобры для лечения остеохондроза и остолбеневшего на входе, видно, в ожидании результата.

Тот удивленно хмыкнул:

– На улице плюс сорок. Где это вы так замерзли?

– Под водой... Там так красиво, и тепло. Сначала. А потом постепенно начинаешь подмерзать. Но невозможно себя заставить всплыть, хорошо, что запаса кислорода не на долго хватает! Так что, Асаф, выручишь?

– Садись, конечно! – Асаф неожиданно для себя обрадовался. – Привез сегодня кофе из дома!

– Ура! Ты, пожалуйста, работай, я тоже немного поработаю, пока кофе варится... – Лия устроилась в углу дивана, вытряхнула на столик несколько простых карандашей и блокнотов. Принялась за один из незаконченных рисунков.

Спиной ощущая ее присутствие, Асаф проводил молчаливого покупателя. Осторожно поставил на столик стакан с кофе.

Отвлекся на очередных покупателей, затем на следующих, и еще на одних. С удивлением обнаружил, что два часа пролетели, в сейфе уже плотная пачка выручки, а он еще готов горы местами поменять.

– Как ты то делаешь? – Лия, оказывается, уже вынырнула из своих рисунков и разглядывала Асафа, как будто впервые увидела.

– Что – это? – у нее светлые, прозрачные глаза. Как-то раньше не заметил, а сейчас увидел. Понимая, как глупо сидеть и разглядывать ее, включил кондиционер. Начал собирать и расставлять на полки баллоны с маслом.

– Ну, вот это все, что сейчас было. Все тебе начинают верить, покупают... Даже нет, не верить. Не так. – Она задумалась на мгновение. Ему стало не по себе – что в нем, что с ним не так? – Они увлекаются. Ты их увлекаешь. Ты так любишь масло? Или продавать?

На самом деле он особо не задумывался, любит он масло или нет. Любит, наверное. Он же не стал летчиком на пассажирском лайнере, как отец. И торгует не серебром, или сумками, а именно маслом. И никогда не устает от множества запахов... а еще... Еще ему нравится, когда, перепробовав одно, другое, третье, наконец находится то, что открывает сердце, не дает сопротивляться, зажигает в глазах этот огонь удовольствия! Это самый лучший момент, если он случается – то человек возвращается в маленький отельный магазин у винтовой лестницы вновь и вновь. Потому что люди всегда возвращаются туда, где им хорошо.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. Вчера ты не попробовала мускус. Сейчас?

– Давай... – в ее голосе звучало разочарование. Пусть. Все эти разговоры – словно песок под кожу сыпать. Очень неудобно. Лучше уж заняться тем, что привычно и знакомо. Мускус. Белый? Или красный? Белый более резкий, тонкий, «верхний», потом оставляет сладкий, еле ощутимый запах. Остужает... Красный обволакивает, будоражит, раскрывается дольше, дурманит. Греет...

– Посмотри на меня? – вот что он собирался увидеть? Конечно, и так было ясно, что нужен красный, но... Потом, потом он найдет все объяснения и оправдания, а сейчас это было просто нужно, просто хотелось. Лия моргнула, недоверчиво нахмурилась. Отвела взгляд. Асаф вспомнил, что нужно вдохнуть.

– И? Что там? Сразу все ясно? – Надо же, смутилась. Поняла, что это была уловка? Хотелось надеяться, что нет.

– Ты же знаешь, что есть разные люди... – он боролся с пробкой в баллоне, которая никак не поддавалась. – Отличается кожа, отличаются свойства, отличается запах. И потому кому-то лучше чистое эфирное масло, кому-то смешать с чуть-чуть спирта... Не знаю, как тебе объяснить, но мне надо знать! А еще люди бывают дневные, бывают вечерние, утренние, и ночные. Я вот вечерний —хорошо себя чувствую после обеда, работаю, и запахи люблю смешанные, подвижные, долгие. А ты, думаю, утренняя. Нет?

– Ага! Просыпаюсь в пять, иногда в четыре. Рассвет иду на улицу встречать. Тут они совсем другие... Рассветы такие быстрые, и солнце огромное... Очень красивые.

– Рассвет? – какое неровное русское слово, трудно выговаривать. – Что это?

– Это когда солнце всходит. Тут рядом с соседним отелем есть на берегу дайвинг центр, возле него скамейка прямо на море смотрит. Ровненько, что б восход солнца удобно было смотреть! Я туда прихожу по утрам...

– Во сколько- во сколько? В четыре ночи? – все ясно, она сумасшедшая...

– Конечно нет! Утра! Это уже утро!

– Ночь. Я в это время сплю! Какая-то ты совсем утренняя!

Получилось! Дурмящий аромат разлился в воздухе. Медленно, лениво.

– Кажется, это он! – Лия нетерпеливо закатала рукав. Показалось каким-то недоразумением нанести цветное масло, пусть даже каплю, на эту незагорелую кожу. Асаф растер немного темно-красного масла между пальцев. Коснулся ее запястий. Прохладные! Не очень соображая, что делает, провел ладонями по ее шее. Лия замерла, улыбку словно смыло водой.

– Нет, это не то, что ты подумала, это просто вот, масло! Так будешь чувствовать запах, и он станет мягким.

Она молчала, смотрела серьезно и молчала. Потемневший взгляд в упор, от которого делалось не хорошо где-то в солнечном сплетении. Совсем не хорошо. Потом так же молча собрала карандаши со столика, блокноты. Исчезла.

С чистейшим и абсолютным отчаяньем Асафу стало ясно, что больше она не придет. Наверное, надо было что-то сказать, извиниться, сказать, что не хотел ее касаться. Но слова застряли где-то в горле, потому что были враньем. Он хотел.

– Что я вижу... Наш святоша наконец-то запал на иноверку! – В дверном проеме маячил так некстати появившийся «Тимати». – Ладно, брат, ты не обижайся. Подумаешь, убежала! Подари ей что ни будь, мне тебя что ли учить? Женщины все одинаковы – подари, то, что ей нравится, и она твоя.

Зарывав от бешенства, Асаф швырнул в парня коробкой для салфеток.

Весь день отчетливо ощущал пустоту за спиной. Навязчивое чувство не давало нормально работать, и магазин вечером он закрывал торопливо, словно сбегал. Подъехав к дому, с облегчением увидел сумрачные темные окна своей квартиры. Наверное, Шани уже спит.

Но жена ждала его. Дверь в комнату была приоткрыта, пахло ее любимыми духами. Не зажигая света, Асаф тихо прошел мимо.

Он никогда не помнил своих снов. Просто словно отключался на ночь, а утром, часам к десяти, включался. Просыпался бодрым и готовым к новому дню, так, словно вся жизнь начинается с того самого момента, с которого вчера была поставлена на паузу. И потому сейчас он ничего не мог понять.

Открыл глаза и сделал несколько вдохов, отдышаться никак не получалось. Сердце под ребрами ходило ходуном, все тело пульсировало жаром, как у подростка. Перед глазами мелькали обрывки только что увиденного, полного страсти и томления сна, такого реального, что было сложно остановиться на полпути, хотелось нырнуть в него обратно, закончить начатое. За окнами ворочался ночной город. Асаф, поняв, что сон уже не вернуть, двинулся, пошатываясь, в душ. Замер на мгновение перед приоткрытой дверью в спальню, вдохнул знакомый пряный, чувственный запах. И вошел.

Скажи Асафу еще вчера кто ни будь, что он будет бродить остаток ночи по городу, беспечно, с замершими внутри спутанным клубком чувствами, он бы не поверил. Сказал бы не злобно: «Нет, что ты, ночью я сплю! Ложусь поздно, да, но ложусь и сплю. Как не спать? Как завтра работать? Зачем ходить ночью просто так?»

Но сейчас все так и было. В каком-то оцепенении, сам не понимая, отчего, он так и не смог провалиться в сон. Полежал рядом с Шани, дождался, когда она, утомленная, вновь уснет, жарко раскинувшись на кровати. Оделся и вышел из дома.

Город тоже никак не засыпал. Беззаботно перешагнув первую половину ночи, грохоча музыкой и завлекая гостей в рестораны, он просто выжимал из суток все, что можно. Днем, среди работающих и спешащих по делам людей любой всегда впишется в эту неизбывную, ритмичную обыденную суету, ощущая себя ее частью. Ночью, если не в праздной компании, ты бесконечно одинок. Темнота отрезает тебя от всего мира, таит в себе глухую угрозу, дает понять, насколько ты мал и беспомощен.

Асаф с трудом узнавал улицы, которые днем знал, как свои пять пальцев. Ноги снова принесли его к дому, к запаркованной машине. Он сел и поехал на работу.

В магазин его не пустили. Слишком рано, объяснил удивленный коротышка с ресепшен. Еще бы он не удивлялся, раньше одиннадцати утра Асаф никогда не начинал работать. Тем более в пять часов ночи. В пять часов утра. Утра!

Ночь уже утратила свою чернильность. Серый сумрак, серое непрозрачное небо, сливающееся где-то недалеко с морем. Вода выглядела, словно жидкая ртуть, казалась невозможно холодной и неприятной. Асаф брел по мощеной дорожке вдоль непривычно пустынного пляжа. Дорожка взбиралась на холм, внизу оставались пляжи с остывшим за ночь песком, топчаны под зонтиками из кокосовой соломы. Теперь их шляпки были слева, почти под ногами. Никакой музыки. Голосов. Шума кухни. Звуков машин. Живая тишина, мерный шелест моря и безветрие.

Дойдя до дайвинг-центра, увидел скамью. Сел и уставился на чернеющие вдаль, за металлическим проливом, горы большого острова. Они казались ненастоящими, плоскими, вырезанными из бумаги, приклеенной аппликацией на серый картон неба. Никак не вязались с той громадой, что были на самом деле.

Под ногами в траве включился автополив. Запах легкого дождя, прибывающего тонкую невесомую пыль к земле. Тот самый, что он не мог вспомнить... Что-то неуловимо изменилось. Асаф перевел взгляд на темные перья облаков, застывшие над силуэтами гор. Снизу перья окрашивались золотым, словно их на глазах макали в невидимое ведро с краской. Все больше и больше. К золотому добавилось розовое, пролилось на макушки гор, между которыми показался бок огромного солнца. Оно не светило, нестерпимо, его жар пока был только обещанием. Асаф боялся моргнуть – и пропустить миг, как золотистый с розовым ободком диск станет виден целиком. Он не заставил себя ждать. Вынырнул, оторвался от макушек гор, сжался, как упругий резиновый мячик, золото поглотило розовое. Будто какой-то механизм прибавил мощность, увеличил концентрацию. На это маленькое новорожденное солнце, неудержимо рвущееся вверх, уже невозможно было смотреть.

Асаф выдохнул. Ему казалось, что он сейчас разгадал какую-то важную давнишнюю тайну, которая жила глубоко в нем и ждала, когда он доберется до нее. Он понимал, что вряд ли кому ни будь сможет об том рассказать, и вряд ли кто поймет, о чем он, но было все равно. Только что, на его глазах, стерлось все, что было до, и новый день начался чистым и ярким.

– Только представь, что это каждый раз происходит немного иначе... – Наверное, он и не удивился, что, Лия тоже здесь. Все, что происходило, никак не могло обойтись без нее. Улыбнулся, не отрывая взгляда от горизонта, спросил:

– И тымотришь расцветы всю свою жизнь?

– Ага. Ищу, где увидеть. В городе солнце появляется над домами уже взрослым, сосредоточенным и светлым. Такого, как тут, большого, тяжелого, теплого спросонья, нигде больше нет.

В ее голосе тоже слышалась улыбка. Асафу хотелось обернуться, но что-то внутри подсказывало: «Обернешься, и все растает, рассыплется.». Все потом. Извиниться еще раз, подарить то, что она хочет, приготовить лучший в жизни кофе... Потом, когда солнце станет совсем взрослым и светлым... а пока, если не можешь уже смотреть на него, смотри на воду, отгадывай, кто там сейчас, в глубине...

– Асаф, ты что, на штраф нарваться хочешь? Тут нельзя спать, уже туристы идут на пляж! – его за плечо теребил коротышка с ресепшен. Асаф с трудом разодрал словно зашитые веки. Маленькое беспощадное солнце уже палило вовсю. Деревянная жесткая лавка словно специально передавила ребра справа, да и голова казалась совершенно каменной. – Я еще думаю, куда ты мог подеваться, еле нашел... Иди уже, я тебя в магазин пропущу, там спи до открытия. А то и тебе и мне плохо придется!

\*\*\*

– Выглядишь так, словно всю ночь пил русскую водку и горланил песни! – «Тимати» разбудил его, когда Мохаммед позвал уже на второй намаз. Несмотря на бравату, на мордашке помощника было написано недоумение и растерянность. – Коротышка Али сказал, что ты тут с ночи, спал на лавке... Ты что, Шани обидел? Спутался с кем —то? Напился? Деньги потерял? Эй, скажи хоть что ни будь!

– Ти... тьфу, Ахмед, марш работать! Я сам разберусь!

В зеркале витрин отразилась его заросшая помятая физиономия.

– Привет! Кофе угостишь? – Лия уже угнездилась в углу дивана, выудила из пляжной сумки альбом и пригоршню простых карандашей. Отдельно отложила стопку квадратных желтых листочков, на таких же точно сам Асаф писал рабочие записки разгильдяю-помощнику. Коснулась случайно, и тут же отдернула руку от чучела кобры на столе. Чучело пару лет назад туристы расписали – изнутри капюшона вывели синим буквы ВДВ. Что-то объясняли, но Асаф уже забыл, что они значат.

– Не любишь змей? – сейчас пойдет за водой и заодно умоется, решено!

– Да кто ж их любит? Да и дело не во мне. Вспомнила, как была на фабрике, где из кобр жир добывают. Там такая центрифуга, и сотни высушенных тел, как веревки, спрессованы. До сих пор не по себе, как вспомню...

– Ну, Всевышний создал человека, а растения и животных дал для его пропитания и лечения... Так что все нормально. – Асаф оглянулся в поисках полотенца, а заодно придержал язык. Чуть не проговорился, что женщин создали для того, что б мужчина получал удовольствие. Еще обидится и снова исчезнет. – Многие змеи полезные. Но есть совсем нехорошие. У нас живет рогатая змея. Небольшая, прыгать не умеет. Но очень ядовитая. Укусит и ждет, когда рядом жертва упадет. Хорошо, еще не плюется, как кобра... Некоторые женщины мне напоминают змей, хитрые, умные, прыгают плохо, а кусаются хорошо...

Когда вернулся, заметил, как Лия уже закрыла альбом. Принялась что-то быстро рисовать, листая желтые листочки с начала стопки. К моменту, как кофе был готов, она закончила рисунок на последнем листике.

– Держи. Если прихватить за нижний правый угол, и быстро отпускать, что б перелистывалось, то получается мультик. Вот так!

Он ухватил стопку желтых листочков, ухмыльнулся – как деньги для пересчета.

На желтое небо из-за моря выбиралось сонное солнце. Зевнуло, засучило рукава, и с улыбкой покатилося вверх, по дороге разбудив гору, облако и море. Поскучало, ухватило за бок облако, прикрылось им, как одеялом, и уснуло.

Асаф рассмеялся.

– Ничего себе! Ты это так быстро нарисовала! Не знал, что так можно!

– Я книги иллюстрирую. Люблю ездить, новых людей встречать, потом их рисовать!

– А я тут каждый день новых людей встречаю. Тех, кто раньше уже был, тоже помню. Неделю назад, например, был парень – он каждый год приезжает. Высокий такой, рыжий. Пахнет всегда лимоном и еще бергамотом, любит кальян с фруктовой смесью и кататься на джипе по пустыне поздно вечером. А сейчас я за водой ходил – встретил отца Диму. Он в храме в каком-то вашем северном городе самый главный. Он тоже часто приезжает, вместе с женой. Оба худые такие, глаза цветом на твои похожи – совсем светлые. Он для жены всегда лаванду покупает, а для себя только жир кобры. А больше я нигде и не был, в Каире, и тут.

– А почему... – В магазин, не дав ей договорить, ввалилась шумная компания. Неожиданное раздражение вперемежку со злостью накрыло Асафа с головой. Стараясь быть вежливым, он отвечал на многочисленные вопросы, про себя уговаривал: «Давайте же, уходите, потом, приходите потом!» Но, когда, наконец, покупатели ушли, Лия уже тоже собралась. Отказалась от кофе, не стала смотреть и выбирать духи. Когда вышла за порог, Асаф в смятении подумал,

что не нужно ей никакое масло. Она и так вкусно пахнет... Безумно вкусно... Понял, что фантазия утаскивает его далеко и стремительно, рассердился не понятно на что, и занялся делами.

\*\*\*

– Отлично выглядишь, Асаф! Куда-то собрался? – Все сегодня задавали один и тот же вопрос. Как будто что бы хорошо выглядеть, нужно куда-то собраться. Ну, то есть, да, он, конечно, собрался. И дело вовсе не в любимых белых льняных штанах и красивой тонкой рубашке, вовсе нет. Просто ему так захотелось. Настроение такое, когда внутри все кипит, как вода в турке, и все, что происходит – лишь смолотый кофе, который новый день в тебя насыпает, и чувствуешь, как не можешь просто дать спокойно осесть всему, что происходит, на дно. Нет, ты владеешь в такой момент каждой крупинкой своей жизни, закипаешь, завариваешь, готовишь свою вкусную и ароматную жизнь, удерживаешь пенку от оседания или выкипания. Полон сил, жажды жизни и владеешь миром. И даже если никому об том не скажешь – все вокруг сами увидят и почувствуют.

– Все плохо! – со знанием дела говорил «Тимати» ребятам с бара. – Ты вот когда ни будь видел его разряженным, как фараон на свадьбу? И я не видел. А ведь уже шесть лет его знаю. Этот скупердяй вчера раздарил товара на сто долларов, и мне чуть по голове не дал, когда я ему только намекнул, что так нельзя. Надо что-то делать, а то совсем плохо будет! Когда он придет в себя, то может оставить меня без работы!

Ребята недоверчиво улыбались, пожимали плечами. Это же Асаф! Все это уж очень на него не похоже! Да, он веселый, и туристы его магазин любят, даже из других отелей приходят. Но он живет этой работой, никогда не позволяет себе ничего лишнего, и не бывает расточителен. Может, и вправду надо что-то делать, но что?

Наверное, Тимати один и знал, как быть, потому что его хитрая мордочка выглядела что-то чересчур радостно.

Асаф больше не отгадывал, придет она или не придет. Знал точно – придет обязательно. Чувял каким-то появившимся новым ощущением, таким же, какое бывает, когда покупатель на крючке. В нем загорается тот самый огонек, и ты его старательно раздуваешь, и ему никуда не деться. Сейчас он, как никогда, был уверен, что чувства его не обманывают. Сейчас он был, точно солнце тем утром – большим, не жадным, готовым согреть любого и светить всем.

Он не выходил из магазина надолго до самого вечера, но Лия не пришла. Не пришла она и на следующий день. В какой-то момент ему показалось, что он почувствовал ее недавнее присутствие, спросил о ней у «Тимати», но тот ответил отрицательно. Несколько раз порывался совершить свой выход к солнцу, и каждый раз в дверях передумывал – вдруг она придет именно в тот момент? Уходил на намаз с надеждой, что вернется, а в магазине будет пахнуть мелким дождем, а на диване Лия будет заштриховывать свои черно-белые рисунки. Он заранее приготовил воду для кофе, чтобы не отлучаться больше ни на минуту. Но ее не было.

Вечером «Тимати», сдавая выручку, осторожно спросил, что случилось. Асаф вспылил, отчитал его за какую-то мелочь. Утром Али с ресепшен отозвал «Тимати» в сторонку, допытываясь, почему Асаф ночует в магазине, и как долго это будет продолжаться. «Тимати» решил, что уже можно действовать.

Асаф не стал ничего слушать, его словно прорвало. Говорил, что отлучится ненадолго, что ему нужно найти в отеле одного человека, что это очень важно. Стремительно, с каким-то остервенением, привел себя в порядок. Тимати дождался, когда Асаф остановится и на минуту замолчит, встал в дверях и попросил: «Сядь на минуту, брат. Хочу признаться. Три дня назад приходила твоя художница, много масла купила, и крем, и духи. Сказала, деньги тебе принесет завтра, а сама не пришла. Вчера снова была, когда ты и я намаз читали, не стала ждать, наверное, не честная она. Прости, что я в долг дорогой товар дал, подумал, что ты будешь сильно злиться, если я не дам.»

– Приходила? – Асаф, казалось, больше ничего не услышал.

– Да, только когда ты уходил. Торопилась, быстро просила ей все отдать...

– Мне ее надо найти, побудь тут.

– Да стой же. Улетела она, вчера вечером. Али сказал. Семь дней, шесть ночей, вместе с подругами своими. Не получится найти ее... Просто обманула...

Он замолчал, глядя, как Асаф деловито и привычно закупоривает открытый баллон с маслом, ставит его на стеклянную полочку, ровняет. Вытирает руки бумажной салфеткой. После заметил, что «Тимати» так и стоит в дверях, произнес будничное: «Когда ты, Ахмед, прекратишь на работу опаздывать? Иди уже, работай!» Потоптался еще, неуверенный, что может уйти, но наткнулся на яростный зеленый взгляд Асафа и ретировался. Нет, никогда ему не понять, что в голове у этого святоши!

Значит, уехала. Хитрая. Просчитала его, Асафа, обвела вокруг пальца, как мальчишку. Какой-то ерундой набила голову, что ничего не соображал. Раньше, когда еще он только начинал торговать, разное бывало, и обманывали его. И обворовывали. Но что бы так... И ради чего? Трех пузырьков с духами? Нет, это уж слишком.

Но по всему выходило, что так. Растерянность сменилась гневным недоумением. Оно уступило место адской смеси из агрессивного сарказма и самобичевания. Даже зашедший угостить печеньем Мохаммед попал под раздачу, и, удивленный и обиженный, молча ушел в свой закуток под лестницей. Ничего, переживет.

Легкости на сердце не прибавилось. Обида и гнев грызли изнутри, и никак не удавалось их унять. В какой-то момент Асаф решил – все, хватит. Произошло, побыл дураком, пора прекращать. Оглянулся. Где были его глаза все то время? Все не на своих местах. Домой не ездил, что Шани теперь скажет? И потом, давно пора эти диваны поменять, подушки уже просто будто камнями и бумагой набиты! Или... Он растерянно нащупал в подушке бумажный сверток. Слабый знакомый запах утра и мелкого дождя... Вскрыл пакет, из которого выпали на колени несколько купюр, свернутый лист бумаги и квадратный блокнот с зелеными листочками. В записке прочел написанное округлым ровным почерком: «Извини, подарки от мужчин не имею привычки принимать, вернуть всю эту вкусноту тоже не могу. Решила, что куплю! Заходила перед отлетом попрощаться, но не застала тебя. Спасибо, этот отпуск без кофе и духов был бы ужасно скучным! Нарисовала тебе мультик. P.S. Не продавай весь красный мускус, побереги! Лия.»

Перечитал несколько раз, прежде чем понял все слова. Взял желтый блокнот, на первой странице был нарисован курчавый египтянин, здорово смахивающий на него самого. За спиной парня была пустыня. Прихватив пальцами нижний правый угол блокнота, пустил его быстро перелистываться. Его двойник, вприпрыжку бегущий по пустыне, встретил глазастую рогатую змейку. Остолбенел и свалился навзничь от страха. Змейка замерла в недоумении, потом развернулась и подползла, теперь ее стало видно крупным планом. Улыбнулась и подмигнула Асафу.

Асаф посидел еще пару минут, перебирая зеленые листы блокнота. Остановился на мгновение на последнем, где хитрая подмигивающая мордочка рогатой змейки смотрела прямо на него. Начал смеяться, все громче и громче, пока не выступили слезы. Отшвырнул блокнот, и деньги. Все еще смеясь, сунул записку в нагрудный карман. Вытер ладонями лицо, выдохнул, уже просто улыбаясь, взял из угла саваджжада.

В дверях уже маячил Мохаммад. Время намаза.

## Екатерина Бакличер

### Нельзя сдаваться

«Вот представь. Ты рыба, живешь в пруду, а пруд пересыхает. Нужно мутировать в амфибию, но кто-то к тебе пристаёт и уговаривает остаться в пруду, мол, все обойдется...» – мысленно повторив пост популярного блогера в Инстаграме, которого хейтеры поставили в пример, Ира устало вздохнула. Слишком странная цитата с дурацкой картинкой рыжего котика, читающего книгу в лодке на пруду, озадачивала больше, чем уроки химии.

Виртуальный мир был намного сложнее настоящего и, как выяснилось, важнее.

– Как же тяжело быть подростком. Если удалюсь, снова в школе загнобят. А если останусь... Ааа. Какой-то сломанный мир! – девушка отчаянно замотала головой, пытаясь избавиться от ненужных мыслей.

Её настроение могла лишь спасти любимая булочка с маком.

Пытаясь не думать о подростковых проблемах и о школе, Ира открыла упаковку. Совсем рядом пронёсся велосипедист. Булка оказалась в луке.

Выругавшись, школьница случайно посмотрела на стену старого жилого дома. Среди выцветших граффити была нарисованная маркером многоэтажка, с которой прыгает человек.

– Блин. Опаздываю!

Уставшая и злая Ира возвращалась домой. Ей везло, как утопленнику. Опоздать на первый урок, получить три двойки, сломать ноготь и оказаться после шести скучных занятий дежурным может только уникальный человек. Уже стемнело. Включились уличные фонари. Ужасно хотелось поесть и спрятаться под любимым одеялом, чтобы послушать музыку. Из грустных мыслей сероглазую девушку вывел удар в руку. В неё врезался какой-то мужик. Вместо извинений он потребовал открыть глаза.

– Придурок, – потирая ушиб, Ира повернулась к знакомой стене. – Что за...?

На старом доме появились новые рисунки и надписи. У многоэтажки два человечка держали батут. Рядом были разноцветные цветочки с глупыми и смешными лицами.

«...Нельзя сдаваться... Вспомни о близких... Съешь что-нибудь вкусное и мир станет лучше...» – в голове уставшей замелькали разнообразные тёплые мысли. Неосознанно Ира сделала пару шагов назад. Среди подбадривающих фраз были номера телефонов людей, которые хотели помочь. Школьница наткнулась на кого-то и испуганно отпрыгнула в сторону.

Мужчина в растрёпанной грязной одежде с бутылкой водки упал на колени и заплакал.

– Это вы оставили рисунок.

Спустя семь лет Ирина, привлекательная короткостриженная брюнетка, бежала на автобусную остановку. Она опаздывала на стажировку в свою родную школу. Приближаясь к толпе, Ира с улыбкой вспоминала вечер, когда вернулась домой, удалила все свои публикации в Инстаграме, написала пост о удивительной стене и незнакомце, после чего с уверенностью заявила родителям, что хочет стать психологом. И вот спустя время мечта начала исполняться.

– ...Папа, почему ты остановился? – звонко прокричала трехлетняя девочка, сидевшая на плечах мужчины, который стоял рядом с остановкой.

– Я когда-то ожил у этого магазина. Правда, тогда был старый дом.

– Глупый папа! Ты и так живой!

– Люся, я расскажу тебе эту историю, когда подрастёшь. Пошли в садик.

На мгновение Ира встретила взглядом с этим мужчиной и узнала того отчаявшегося человека, нарисовавшего прыгающего с крыши человечка.

© *Екатерина Бакличер*

## Недоброе утро

Достаточно было передвинуть стул на несколько шагов. Тарелка с свиными отбивными оказалась на полу. Моя хозяйка, упитанная девица, заорала благим матом и выбежала из квартиры.

Я заржал.

Теперь эта корова будет знать, что нельзя утром греметь на кухне и выть под музыку. А кому понравится, что его в шесть будит криворукая безголосая толстуха? И не странно, что её замуж не берут.

Матроскин, мой полосатый товарищ, время даром не терял. Пока я смеялся, он сожрал мясо. Вот котяра, даже спасибо не сказал. Надо его скотчем обмотать. Хорошо, что Матроскин крепко спит.

Ну и тяжкая жизнь у домашних. Ни минуты покоя.

© *Екатерина Бакличер*

## Спаситель

«Покорись искушению. Возможно, в твоей жизни такая возможность больше не представится. Не будь душой,» – Галя перевернулась на бок. Уснуть никак не получалось. Желание было сильнее... Девушка вылезла из-под одеяла и вышла из комнаты. В коридоре замигала лампочка. Со стороны лестницы послышались шаги. Похоже, ночной охранник осматривал секции. Сердце забилось быстрее. Почувствовав себя шпионом, студентка минуту постояла за дверью, после аккуратно выглянула. Она на цыпочках пошла к кухоньке своего этажа.

– Мяу!

За спиной дилетанта-шпиона оказалась Зинка, самая главная и всеми любимая проказница общаги.

– Тсс.

Перед холодильником Галя засомневалась.

Некрасиво брать чужую еду. Но здесь все так делают. Вот её борщ кто-то съел и оставил в кастрюльке записку. В ней просили побольше мяса положить.

Девушка открыла украшенную магнитиками дверь и пискнула. На полочке сидело нечто лохматое, напоминающее старичка и кота. Оно с аппетитом ело копченую колбасу, макая её в баночку горчицы.

– Сделай мне чайку. И конфет побольше.

Галина рухнула в обморок.

На кухню заглянула пушистая кошка.

– Ты чего творишь, Филька?

Домовой икнул.

– Ничё. Я это... спасаю наших девок. Нечего им гадостью магазинской давиться. Ещё химией траванутся. Вот неблагодарные. Ни спасибо, ни угощений от них не дождешься. Неделю я прошу чаёк сварганить, а они сознания теряют. Шо за воспитание?

© Екатерина Бакличер

## Анастасия Николаева

### **C'est la vie (Такова наша жизнь)**

Годы мчатся, дел круговорот,  
Жизни ежедневная рутина.  
Дядя Петя так же водку пьёт,  
Тётя Галя всё с войны ждёт сына.

Как обычно, дворник по утрам  
На прохожих громко матерится,  
Баба Маша, словно комендант, —  
От неё ни спрятаться, ни скрыться.

Дед Иван в сторонке всё сидит,  
Старику безумно одиноко,  
Всех своих уже похоронил,  
Но часами ждёт всегда кого-то.

А мальчишки с нашего двора  
Мяч гоняют в форменных футболках,  
Возле мам резвится детвора  
И лепечет что-то без умолку.

Паша Белый со своей братвой  
Всё дела какие-то решает,  
Мужики соседские с пивком  
То «козла», то «рыбу» забивают.

Баба Тося уличных котов  
Опекает лаской и заботой,  
Тёти Катин муж ушёл к другой,  
Тётя Лена в поисках работы.

За красоткой Дашей из окна  
Скромный парень Вася наблюдает,  
Молодёжь частенько допоздна  
Песни под гитару напевает.

Дни летят как кадры из кино...  
Только что-то в жизни поменялось.  
Дядя Петя спился уж давно,  
Тётя Галя сына не дождалась...

*Анастасия Анника / AnNika*

## Не упустите судьбу...

Смотрю я на тебя из-за угла,  
Едва коснувшись взглядом твоей кожи,  
И тело пробирает вновь до дрожи...  
Ну, почему судьба нас развела?

У каждого из нас своя семья  
Я замужем, и подрастают дети...  
И у тебя, гляжу, в порядке с этим.  
Но знаю, что страдаем ты и я.

На улице столкнёмся иногда,  
И можем даже редко созвониться.  
А после встречи снова мне не спится —  
Я не могу забыть твои уста.

Твой сильный голос будоражит кровь,  
Такой родной, но жаль, такой далёкий...  
Я без тебя до жути одинока,  
Ты – первая и вечная любовь.

И знаю я, что ты ночей не спишь,  
Что тоже до безумия тоскуешь,  
Мечтая, что ещё раз поцелуешь...  
Но время вспять, увы, не воротишь.

И так пройдут десятки долгих лет.  
Прожили жизнь, но чувства не остыли...  
Зачем тогда мы руки опустили,  
Когда был шанс вернуть судьбы билет?..

*Анастасия Анника / AnNika*

## Вино, конфеты и букет...

Вино, конфеты и букет.  
Избитый способ – спору нет.  
Но всё же действует всегда,  
Пока она не скажет: «Да».

И вот она уже с тобой,  
С работы ждёт тебя домой,  
Готовит завтрак и обед,  
Тебя ж и к ужину всё нет.

Куда же делся тот запал?  
Ведь ты её всю жизнь искал.  
Вернее, так ей говорил,  
А после свадьбы всё забыл:  
Как добивался, как хотел,  
Чтобы женой была твоей.  
Чего ж спустя немного лет  
Всегда приходишь без конфет?

Хотя б ириску предложил.  
Или в кино раз в год сводил.  
И даже в марте в женский день  
Купить цветы ей просто лень.

Устал, работа, денег нет...  
На всё найдёшь всегда ответ,  
Но у неё вопрос возник:  
К чему тогда весь этот цирк?..  
\* \* \*

И вот она с букетом роз,  
Но их не ты уже принёс!..

*Анастасия Анника / AnNika*

## Спасибо за опыт

Ты обещал мне с неба звёзды,  
Читал Есенина в ночи  
И говорил, что я – твой воздух,  
Тепло мерцающей свечи.

Ты клялся мне в любви великой,  
Безбрежной, словно океан.  
Ты звал меня тигрицей дикой,  
Но я попала в твой капкан

И стала маленьким котёнком,  
Ждала, согрел чтоб, приласкал,  
А за личиною ягнёнка  
Умело прятался шакал.

Такой же подлый и коварный,  
Но маски сняты, наконец.  
Тебе за опыт благодарна.  
На этом всё. Прощай. Конец.

*Анастасия Анника / AnNika*

## Вверх по радуге

Я раскрашу свою жизнь в ярко-сочные тона,  
Только счастье будет в ней, боль же будет не видна.  
Толстым слоем нанесу красно-алые круги,  
Чтобы сердце проняло жарким пламенем любви.

А оранжевым залью я очаг семейный мой,  
Чтобы было в нём тепло, мир царил там и покой.  
Жёлтой краской проведу лучи солнца до небес,  
Чтоб уставший грустный взгляд навсегда с лица исчез.

Зеленю окрашу всё: стены, улицы, дома,  
Свежестью наполню мир, а в душе – всегда весна!  
Свои мысли и мечты зарисую голубым,  
Чтоб приятно и легко было мне стремиться к ним.

Синевой морских глубин затоплю здоровья дух,  
Чтобы он нас закалял и хранил от всех недугов.  
Фиолетовым хочу настроение создать,  
Чтобы легче было впредь по судьбе своей шагать!

И теперь, раскрасив жизнь, не сойбьюсь уже с пути,  
Знаю я как хорошо вверх по радуге идти!

*Анастасия Анника / AnNika*

## Владимир Филатов

### Эх, разгуляй

Костры нависли миражами,  
Над багровеющей рекой.  
Рассветом плещет за долами;  
Коней ведут на водопой,

Вдоль берегов склонились ивы  
Берёзы шепчут за спиной,  
А облака слегка сонливо,  
Плывут над Доном над рекой.

Поля в зеркальном отражении,  
Сияют скошенной травой.  
Залаял пёс среди поленьев,  
Гроза проходит стороной.

Быть может глупая собака,  
Прижала хвост перед бедой.  
Шалит Петлюра будет драка.  
Запахло с запада войной.

Коня да саблю мне скорее  
Да, степь раздольную ковром.  
Как мы устали от безделья,  
Тоску оставим на потом.

## Бродяга

Оставить след свой на планете!  
Так лет на пять, или навечно.  
Чтобы тобой гордились дети,  
Ведь жизнь бродяги скоротечна.  
Ну да, мечты, мечты, но всё же.  
Ведь нужно знать о чём писать,  
О том, что нам всего дороже.  
Судьба, любовь, семья и мать.  
Писать о том: как с горных круч  
В низовья стелется туман.  
Воспламеня лунный луч?  
Гуляет ветер по долам.  
Увековечивать в стихах,  
Всё то, что нас всегда тревожит:  
Война, невзгоды, боль и страх,  
Что душу нашу рвёт и гложет.  
И даже, если всё не так  
И волки рыскают по следу  
Отдай последний свой пятак  
Оголодавшему соседу.  
Не забывай, мой друг – поэт,  
Моё напутственное слово,  
Ведь ничего важнее нет,  
Храни язык – стихов основу.

## Дождись (письмо)

Серых глаз бездонные Бермуды,  
Утонув останусь навсегда,  
Позабуду кто я и откуда;  
Всё равно... мне нет пути назад.  
Утаив в мешке свои печали  
Постараюсь прошлое забыть,  
Чтобы чувства новым заиграли,  
Нужно просто взять и отпустить.  
Не расстроюсь, если безответно;  
Может быть не встречу никогда.  
Отмотать бы жизни киноленту,  
У судьбы обрезать провода.  
Между нами сотни километров,  
Разбросало души по стране  
Не найти, печальней аргумента,  
Чем который видится во сне.

## **Н. В. Л.**

Где души пропащие эти?  
Ищу наугад – пальцы в кровь.  
Ну, кто мне на карте отметит:  
Где Вера Надежды в Любовь?  
Сетями погуглил планету  
Подруг и друзей расспросил;  
Их нет на просторах Рунета;  
Быть может в пути обронил?  
Любовь не протянет, поверьте,  
Без этих бессменных подруг.  
С любовью в Надежду поверьте,  
Сломав безысходности круг.  
В хмельном ожидании рассвета,  
Танцуют цветы от огня.  
Ну, если поверил в планету,  
Поверю, что любишь меня.  
Во тьме огоньком сигаретным,  
На звёздных полотнах небес,  
Пишу я тебе безответно,  
Снимая промиЛЛе-ми стресс.

## Домой

Я возвращался из разведки.  
В селе родном фашист засел.  
Заметил я свою, сестрёнку – Светку.  
От счастья (разом) обомлел.  
Она стояла у колодца,  
В руках держа большой бидон,  
Лучи полуденного солнца,  
Играли бликами на нём.  
Одета в бежевое платье  
Платок на худеньких плечах,  
И взгляд усталостью охвачен,  
И седина уж на висках.  
От нежности сковало сердце,  
К себе её тотчас прижал  
«Алёшка?! Уходи, здесь немцы!  
Пока никто не увидал».  
Она схватив меня за руку  
Дворами к дому повела.  
О Боже мой, какую муку  
Тогда судьба преподнесла.  
Зашли... почти пустая хата,  
Из мебели, скамья и стол,  
Метла, у печки два ухвата,  
Но вымытый до блеска пол.  
А где родители, сестрёнка?  
Где мать с отцом зови к столу,  
Заметил фото я в сторонке.  
С печальной ленточкой в углу  
Их год как немцы расстреляли,  
В подполье был отец и мать.  
Тебе в письме о том писала,  
Но не смогла, прости, послать.  
Я шёл назад с мечтой о мести  
Ремнями сдавливало грудь  
И в эти километров двести,  
Мне показался вечным путь.

## У моря

Сидел у пропасти старик,  
Сжимая зубы от досады.  
Он головой к груди приник.  
На пиджаке висят награды.  
Вот-вот раскрасится рассвет.  
Перед глазами мчатся годы,  
Снимая с прошлого навет,  
Вдали отходят пароходы.  
И белой птицей в вышине,  
И белой птицей непокорной  
Он умирал наедине...  
Наедине с одной природой.  
И, покидая мир, прощал,  
Не помня зла, хлебнувши горя,  
Всё стало, как всегда, мечтал,  
Закончить путь живя у моря.  
А солнце тает в маяке,  
Играя острыми лучами  
Нет больше смерти в старике,  
Он белой птицей над морями.

## Ирэн Аниклис

### Мой любимый Перри Мейсон Отрывок из романа

#### *Глава 16. На ловца и зверь бежит.*

Вечеринка удалась. Дмитрий убедился: в квартире Стаса охранники были те же, лишних и новых не появилось. Странно все это. Но ладно. Конечно он мог прикончить эту мразь сегодня, но нет удовольствия убивать пьяного, который ничего не соображает и «страху нет, один задор». Мстителю надо чтобы жертва понимала за какие грехи её хотят убить, чтобы перед смертью этот подонок осознал всю вину и может попросил прощения... Дима не знал точно, что хочет от гадёныша: услышать мольбу о пощаде, оправдание или проклятие; увидеть в глазах Стаса – ужас, страх, раскаяние. Какие чувства может испытывать человек перед лицом смерти? Сам Дима был в горячих точках и видел всякое... но там были парни, которые не успели сделать в своей жизни столько гадости, принести столько страдания, разбить жизни людям, сколько уже натворил Стас. Трус ли он? По всему можно сказать – да, когда пьяный – то смелый, а потом протрезвел и удрал на Бали. Или отец подсуетился, спрятал любимого, единственного отпрыска? Папаня тот еще ушлый тип. Руки по локоть в крови...

Лежа рядом с сопевшей Дашкой охотник не мог уснуть мысли скакали одна за другой, он думал и вспоминал...

Прослушанный разговор удивил его, особенно что адвокатишка и впрямь оказался порядочным парнем, не зря Лизка за него заступалась. Невольно улыбнулся, вспомнив большегрудую Лизу. Не хорошо с ней получилось, вывела она его из равновесия, рука сама потянулась за ножом... нервы сдали от постоянного напряжения и стресса. Но это временные неудобства, лекарства, которыми снабдила его странная знакомая, делали невообразимое – он стал спать лучше, перестал вскакивать с криками, ничто и никто уже не бесил. Силы прибавлялись не по дням, а по часам. Тело слушалось, мышцы крепили. Правда побочный эффект от них наблюдался забавный – сны какие-то стали странные сниться. Раньше снились только кошмары, а сейчас сказки какие-то. Эльфы, гномы, орки, охотники, он Главный охотник и задача у него серьезная – убить Высшего Эльфа, правящего Короля. Помочь захватить трон в эльфийских королевствах для Темной эльфийки. Бред одним словом... но ощущение от этих снов – как от второй реальности.

Дима не заметил, как уснул. И опять эти странные сны, или параллельная вселенная?

\*\*\*

Главный Охотник Митяй был вне себя от бешенства. Он рвал и метал. Пинал и орал на всех попадавшихся ему под руку и под ногу своих охотников-разбойников-душегубов и убийц.

– Ну как мы могли упустить такого громоздкого, неповоротливого орка? – в который раз он задавал этот вопрос. Братва не могла ему ответить, никто не понимал, не мог представить, что орк весивший больше 300 килограммов испарился так шустро и изящно как перышко.

– Я понимаю, что здесь не обошлось без магии эльфов, напустили туману, это понятно, лошади на готове, дым клубами, шум, неожиданность и неразбериха – это все объяснимо. Но вот чтобы эльфийка помогла бежать с легкостью тупому тяжелому орку? Как?

Через пару часов Митяю доложили, что в царстве Орков появились гости – Королева Лунных эльфов, два Высших эльфа – принц Аерик и Советник. Известия ясности не внесли: ««Они что втроем тащили на себе орка? Принц он магией не балуется, об этом все знали, видите ли претит ему это баловство. Советник – он только мечем махать, да скорее всего он швырял шарики с дымом. Внизу были только двое – Арвилси и Аерик...»

– Если предположить, что это все же сделал Принц, то это становится опасным, он начинает познавать свою силу и скрытые возможности. – Задумчиво рассуждала Темная эльфийка, когда Митяй поделился подробностями похищения из пещер сына Короля орков. – Надеюсь это его первые и последние попытки. Но вот что пробудило в нем спящие способности, неужели Арвилси рассказала? Навряд ли она нарушила тайну инициации. Королева у нас придерживается правил и законов. Она не могла, это точно... ладно, давай не будем на этом заострять внимания, тратить время, может это случайно вышло и больше ничего подобного не произойдет. – Предложила злая эльфийка Митяю. Он согласился. А что оставалось делать – хорошо, что в зверушку не превратила, не разозлилась, опасная эта непредсказуемая дамочка.

Убравшись в свою пещерку, Охотник решил перебазироваться подальше от царства орков. Кто их знает – вдруг решат отомстить... Для выполнения следующей задачи необходимо было новое место поближе к Королевству Лунных эльфов: «Вот змея, кидает прямо в пасть ко льву, даже не задумывается о безопасности и жизнях моих людей. Но договор есть договор. А могу ли я отказаться? Как было бы если принять другой вариант – вернуться к свободе? Наверно лучше попробовать выполнить задание в одиночку, никто не виноват, что так подставился, теперь еще и струсил. Нет не за себя испугался, что моя жизнь? Гроша ломаного не стоит. Никто не заплачет, если со мной что случится...»

В последнее время он стал сентиментальным – в его холодном, расчетливом, каменном сердце поселилось странное чувство. Охотник не знал, как оно называется. Но по тому как начинал сильно биться или наоборот замирать не знающий сомнений осколок льда внутри верхней части груди при виде тонкой фигурки этой остроухой девчонки.

Как Темная эльфийка узнала про это чудо, на которое Охотник последнее время тайно ходил любоваться. Лежал по долгу в укрытии смотрел как весело плещется с Арвилси в воде или бегаёт по траве за бабочками. Он прислушивался к странностям происходящим с его телом и разумом. Ему нравились эти неизвестные доселе накатывающие волны нежности и умиления. В такие минуты он не видел и не слышал ничего и никого в округ кроме легких движений, звонкого как колокольчик смеха.

Он знал, когда она бывает на берегу лунными ночами – заранее занимал выгодное место для наблюдения – чтобы видеть все, а его не заметили королевские стражники. В одну из таких ночей, Митяй ждал в своем тайном убежище, когда малышка придёт купаться, то заметил среди камней – он не один. С другой стороны тропинки спускающейся к берегу на больших камнях лежал принц Высших эльфов. Видел, как охранники позвали к Королеве Аерика. В ту ночь ЕГО лунная эльфийка не пришла. Охотник был опечален, потихоньку пошел следом за процессией, стараясь услышать почему не пришла подружка королевы. Он понял одно – его милая сердцу лапушка пропала. Королева Арвилси отправила тайную стражу на ее поиски.

Охотник решил найти ее сам. Но все напрасно, она как сквозь землю провалилась, а через несколько дней к нему пришёл гонец принес свиток. В глазах потемнело от прочитанного, стало страшно. Голова закружилась, в животе собрался комок зла. Темная эльфийка, исчадие ада, хитрая, коварная змея писала, если он хочет увидеть в живых малышку, то должен оказать услугу: выкрасть принца орков, угрозой расправы над любимым сыном вынудить Короля Борги освободить трон. Задача не из легких, но Злая ведьма обещала содействие. И он согласился. Никак Митяй не мог понять – где он ошибся, кто и как узнал, ведь он под предлогом что следит за королевой, любовался этим неземным созданием. Не мог он выдать себя никак, никогда не говорил ни с кем о своих странных чувствах. Открыто уходил на «охоту», делился своими

наблюдениями о передвижении Королевы и ее придворных как о важных объектах, не более того.

Митяй опять оказался в исходной точке, от отчаяния и безысходности он не находил себе места. Вот теперь такой провал. Принца Стигга освободили, девчонка у Темной злойки. Мало того, орки подружились с Королевой Арвилси и с принцем Аериком, у которого к тому же стали проявляться магические способности.

Метания по пещере, выбранной для него, не помогали, попросить помощи не у кого. Везде мерещились предатели и враги. Что делать? С большим трудом он только под утро забылся тяжелым тревожным сном.

Митяй резко вскочил как от удара молнией – ему приснился странный сон. Весь в испарине он сидел на кровати и озирался по сторонам. Привидится же такое, или это было в реальной жизни, он не мог сразу спросонья сообразить. Решение оказалось совсем простым и одновременно настолько неординарным, аж испугался что кто-нибудь проникнет в его сон или прочитает мысли...

\*\*\*

В квартире напротив стояла тишина. Гости видимо выпалились, позавтракали и разошлись. Охрана дремала. Хозяин еще не вставал. Дима постучался в дверь. Ему открыл невысокий худощавый парень, вчера его не было, видимо новенький. Почему-то это обрадовало и расслабило.

– Здрости! – Сказал Дима вежливо. – Я ваш сосед из квартиры напротив, мы были вчера у Стаса в гостях, Дашуня забыла свою сумочку, можно я ее поищу и заберу?

Охранник внимательно посмотрел на нескладного очкастого «ботаника» и пропустил в квартиру. Дима не ошибся – везде царил жуткий бардак, никого не было видно. Оглянувшись он увидел, что новичок пошел в кухню предоставив полную свободу действия соседу. В большой гостиной на диване валялась одежда Стаса. «Мы его что раздели или может он сам, уже ночью?» – подумал Дима и пошел осматривать комнату, куда они вечером положили пьяного хозяина вечеринки. Заглянул в приоткрытую дверь, он не увидел ничего и тихо зашел в спальню. На кровати в позе «звездочки» храпел Стас. Дима тихонько подошел, позвал:

– Ау! Что говнюк спишь? И совесть тебя не мучает?

Стас продолжал похрюкивать и «ухом не повел». В комнате стоял полумрак из-за плотных штор. Дима подошел ближе к кровати, вытащил из кармана плоский прямоугольный короб, сдвинул прикрепленные усики, подсунул его под спину спящего парня.

– Спи, дорогой товарищ... – ухмыльнулся он и стал разворачиваться в сторону выхода из комнаты как вдруг пространство исказилось, стало как в хрустальном шаре, цвета приобрели бежево-коричневые оттенки, полетели сухие листья по кругу. Дима попятился, но то что он увидел не просто поразило его – а заставило замереть как статуя и покрыться липким потом – на него смотрели двое – эта странная женщина с ушками и парень – он их уже видел, но это же был его сон, не может же он сейчас спать?!

Они помахали ему рукой подзывая к себе. Дима вошел в кружащийся вихрь листьев и приблизился к странной парочке.

– Добрый день, Митяй! – Сказал парень, у него тоже были острые уши – Ты хочешь освободить свою любимую? – вопрос застал Диму врасплох:

– Какую? – спросил он, голос предательски дрогнул, в горле застрял ком. – Нет у меня никого, я один на свете, да не люблю никого!

– Зачем ты тогда выслеживал и наблюдал за нами? – подала голос женщина.

– Кого вас?

– Ты уже определись, Охотник, ты хочешь спасти Азу? Зачем ты тогда искал со мной встречи?

Дима оглянулся по сторонам – большой грот, впереди светился выход, виднелось море, скалистые стены уходили в даль опускаясь и сужаясь. Он стоял на маленьком островке – он увидел свое отражение: «Господи, кто это!?» – На Диму с зеркальной поверхности смотрел парень, одетый в одежду охотника при полной боевой готовности – лук, колчан со стрелами, веревка, топорик за ремнем, высокие сапоги-ботфорты, штаны в обтяжку, кожаная куртка, другие детали и приспособления, имени которым он не знал... Странная парочка стояла на расстоянии вытянутой руки мило улыбалась. Дима пригляделся внимательнее – и ему показалось что парень похож на адвокатишку, а дамочку он вроде тоже видел, но не знал кто она. Но в этом странном толи сне толи глюке – она явно была главная...

– Вы меня простите, я кажется сошел с ума... – тихо произнес Дмитрий, теряя сознание...

...Он проснулся от непонятного шума. Точнее жужжания. Тяжелые веки с трудом приоткрылись, свет был приглушенный, но все равно резанул по глазам, и они моментально захлопнулись. С трудом пришлось потихоньку поднимать многотонные веки. Но глазам было еще больно смотреть, и они почти сразу закрывались. Постепенно адаптировавшись глаза всё-таки приоткрылись, и Дима осмотрелся вокруг. «Где это я? Что со мной?» – подумал он. Как будто прочитав его мысли, или он вслух сказал? В поле его зрения появилось белое размытое пятно, оно двигало отростками и шевелилось.

– Ты кто? – шепотом спросил Дима стараясь рассмотреть приведение.

Приведение мило захихикало нежным смехом и ласково ответило:

– Я Азиза, врач ваш. Вы не напрягайте зрение, оно пока расфокусировано – это из-за ваших лекарств. Организм почти очистился от химикатов, но еще остаточные явления будут несколько дней, вы не волнуйтесь. С вами уже ничего страшного не случится. Кризис миновал, вы идете на поправку.

– Какой кризис? Какие лекарства? Я не понимаю. А еще я вас плохо слышу – уши заложило. – он не узнавал свой голос, сил не было поэтому говорил почти шепотом.

– Вы, наверное, ничего не помните, у вас было сильное отравление, неизвестным препаратом, оно вас бодрило, но в конечном итоге накопившись в организме, стало отравлять его. Произошел сбой в работе внутренних органов. Если бы не наши ребята, то вас бы не спасли. К счастью врачи скорой быстро привезли вас в стационар, мы боролись за вашу жизнь почти три дня. Организм молодой – справился. Пока вы еще не совсем в норме. Но жить будите. – ручеек слов лился как музыка для релакса, Дима успокоившись погрузился в дремоту...

...Нос что-то щекотало и хотелось его почесать – попробовал поднять руку – не смог, дикая слабость навалилась на все тело и мышцы. «Да что же это такое!» – с вялой злостью подумал он. «Сил нет даже злиться...»

– Эй, кто-нибудь! – казалось он крикнул изо всех оставшихся сил – а услышал жалкий шелест...

Но его услышали. Подошли. Поправили одеяло, проверили капельницу.

– Проснулся? – ручеек весело зажурчал, на душе стало тепло.

Дима открыл глаза, приведение приобрело очертание тоненькой фигурки с милым личиком в белом колпачке.

– Сегодня вы лучше видите? А как меня слышите? Что-нибудь болит?

Он не мог сосредоточиться, мысли ускользали, и он не впопад спросил:

– А где я?

– В частной закрытой клинике. Как вы себя чувствуете, скажете мне, пожалуйста. Для дальнейшего лечения мне надо знать, как вы себя чувствуете.

– А я давно здесь?

– Третью неделю... так вы мне скажете, как вы себя чувствуете?

– Я себя не чувствую... я сошел с ума, понимаете?

– Ну что вы, вы абсолютно адекватны, не волнуйтесь...

– Вы будете смеяться, но я честно сошел с ума...

– С чего вы это взяли?

– Понимаете, я Охотник за эльфами. Эти двое – такие остроухие, они мне обещали помочь. Если я им скажу кто мне дал приказ украсть принца-орка.

– И что? Вы им сказали? Они вам помогли?

– Не помню... вы что считаете меня нормальным? Точно знаю, что я – Охотник. О! я знаете, что вспомнил? Мне надо спасти девушку, эльфийку, она мне очень нравится, она в большой опасности. Один я не справлюсь, эти остроухие могут помочь. Точно знаю, что кроме них никому нельзя доверять. Везде враги и предатели... Там есть Тёмная злая тетка – она всем гадости делает, мне тоже. Она хочет меня убить, я ей больше не нужен, я слишком много знаю... Господи, вот бред... и вы это так спокойно слушаете?

– Я ваш врач, мне все надо слушать, что вы говорите. Но ничего странного я пока не слышу. Если учесть, что лекарство, которое было у вас с собой – содержит растительный галлюциноген, вполне нормальные видения и реакции. Скорее всего через пару дней ваш организм полностью очистится от препарата, и вы перестанете видеть такие сны.

Дима помолчал и задумчиво произнес:

– А мне не хочется, чтобы они прекратились, мне они нравятся... я сошел с ума... я посплю еще можно?

– Да, вам надо много спать... – нежный голосок затихал, Дима погрузился в дремоту, такую приятную почему-то трепетно ожидаемую... что же будет дальше... «Санта-Барбара» отдыхает и нервно считает серии в сторонке...

## Анастасия Миронова

### Ученики чародея (Психологическая повесть)

#### I

В деревне Вотчинка, богатой скотом и плодородными землями, стоял дом пасечника Тимофея. Это был низенький мужичок, седой, с мягким голосом. Пасека у него была небольшая, но мед отменный: чистый, сладкий, сил придавал, от хвори лечил. Его хвалили по всей округе, да немногие имели смелость с Тимофеем знаться. Говорили, он с нечистой силой водится, оттого и боялись – все, да не все. Тут сколько людей было, столько и мнений.

Дед держал маленький огород, который рос почти сам собой. Все необходимое обменивал на мед, либо люди сами приносили, когда он помогал найти потерявшийся скот или вылечить кого-то. Тимофей брал «плату» не у всех. Часто сделает, что нужно, и быстренько уходит без ничего. От денег отказывался вовсе: на что ему они в деревне?

По соседству жила румяная женщина Люся. Она каждое утро приносила ему молока от его любимой коровы и пару яиц из курятника, а также горячего хлеба, когда пекла. Хозяйство у ее семьи было безбедное. Не в ущерб своим домочадцам Люся заботилась о старике, ничего не требуя взамен. Он, когда нужно, давал ей меду, мог подсобить в случае чего, оберегал ее скот при помощи своих особых знаний. Она не спрашивала у него лишнего, никогда не пыталась подсмотреть, как он «лечил» скотинку. Знала, что этот добрый человек зла не делает, и этого было достаточно.

Изредка к Тимофею приезжали незнакомые люди, просили помощи, жили у него какое-то время и уезжали. Известно, что помогало это не всем, но многим. Однажды такой гость задержался дольше обычного. В городе его называли бы Владимиром, но для Вотчинки он был просто Володей. Когда люди увидели, что молодой человек вскапывает перед домом Тимофея новую грядку, поняли, что он остается надолго. Люся не утерпела и спросила у соседа:

– Кто это у тебя поселился?

– Ученик мой, – только и ответил дед.

Пасека осталась суверенной территорией Тимофея, зато Володя купил у одного из жителей удочку на оставшиеся с дороги деньги. Он часто ходил на пруды, так что компенсировал свое проживание рыбой, которую они, как и мед, обменивали у соседей. Раз в месяц-два он собирался в ближайший город, увозя часть рыбы и меда, а иногда грибов или ягод на продажу. С собой он неизменно привозил книги, в которых прежде в «чудном домишке» нужды не было. Учитель не возражал, только просил Володю не увлекаться продажей и не пытаться заработать больше, чем тому действительно нужно. Все успокоилось, свыклось, и дни вновь потянулись один за другим, не делаясь на до и после.

Так жили они, пока однажды в деревне не умерла пожилая женщина. Хотя у нее в городе была родня, она в одиночестве провела последние годы. Соседки взяли на себя заботу о похоронах, пригласили священника. После тщательного изучения бумаг покойной они наконец смогли связаться с семьей. И вот, влажным летним вечером в деревню приехал ее племянник, чтобы посетить могилу и забрать документы на имущество. Дом ему понравился, так что он стал приезжать на выходные с друзьями. Молодые люди вели себя шумно, правда достаточно почтительно, так что соседи навевались к ним с самогонкой узнать о том, что в мире делается, и рассказать о своей жизни. Молодых людей предостерегли от знакомства с Тимофеем

и Володей, говоря, что дедуля этот – колдун. Молодежь посмеялась, а как-то поздним вечером они решили выкрасть у него улей по пьяному делу.

Подходят к дому, стараются тихо. Шумит ветер, сливая все звуки. Ребята подобрались к забору и осмотрелись: никого. Тогда один из дружков перелезает через забор – благо, тот прочен. Приземлился, присел, смотрит: ничего. Выбирает улей, подходит, и вдруг замер. Друзья за забором осматриваются: никого. Ждут. Шепчут ему что-то, да ветер заглушает. А смельчак все стоит, как шел и замер. Перелезают на участок, подходят. Он стоит. Они его тронули – стоит. Силой пытаются с места сдвинуть – не отзывается, от земли не отрывается, словно не человек, а каменная глыба. Ждут. Ветер не унимается. Луна выходит из-за облаков и снова прячется. Шелестят листья, клонятся и выпрямляются березы. Скрипнули доски. Огляделись: никого. Ночь была к ним равнодушна. Кто-то визгнул и побежал к забору, остальные за ним, кроме окаменевшего.

– А он?

– А что мы сделаем?!

Убежали. На рассвете вернулись. Окаменевший стоял в той же самой позе и не отзывался. Утром Тимофей вышел в огород и увидел лазутчика.

– Благо, Володя еще спит, – вздохнул он.

Он подошел к молодому человеку и пошептал над ним. Тот заметно вздохнул, побледнел и покачнулся. Тимофей его поймал.

– Господи!

– Тихо, тихо, – дед еще держал его. – Что это вы так врываетесь ко мне?

Незванный гость молча смотрел на него.

– Я тебе ничего не сделаю, – продолжил Тимофей, – а ты в ответ никому не расскажешь о том, что произошло. Ты и твои дружки, которые были здесь. А теперь пошел вон.

Молодой человек скоро исчез за забором. Надежда Тимофея не оправдалась, по деревне распозлись слухи. Соседи ужаснулись: с ними рядом был опасный чародей! Когда на следующее утро Володя пошел к колодцу с ведрами, его прогнали, угрожая граблями и выкрикивая проклятия.

– Прости, что не сказал тебе. Я думал, они не узнают, – говорил учитель подавленному ученику. – Эти дети просто дураки.

– Да, я понимаю, – отвечал Володя, а у самого в горле и груди напряженно стянулись какие-то нити.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.